

Возвращение на родину

Расставшись с заводом Ваксова и 274 полком, я вернулся на родину, время было на исходе апреля 1917 года. За два года у меня произошли немалые события. Если бы не война и революция, я бы эти два года провёл неплохо. Я рассчитался бы за взнос в артели, я бы всё остальное наладил, но что будешь делать, – мне порвали все струны моей жизненной балалайки. Получив после комиссии литер на проезд, хотел вернуться на эти два месяца в Азов, но мне сказали, что с 2-х месячным освобождением постоянной работы не дадут, а пошлют куда-нибудь на подённую работу. Сижу в поезде и думаю, куда же ехать? К тестю – у него не за что взяться, да и спаси Бог, споловым могу, пожалуй, остаться. Эта кличка мне ужасно не нравилась, её применяли не только к родителям, но даже к детям. Поеду в Малинники. Теперь весна, если осенью я жену не повёз, могли её упрекать, дескать, присылали мало, лето не работала, а на зиму хлеб есть приехала. Решено бесповоротно, – едем в Малинники. Приезжаю к отцу, объясняюсь положительно во всём и говорю, ведь такое замешательство, наверное, временное, жизнь должна наладиться, и мы её наладим в собственном быту. Поэтому я поживу у вас, а не у тестя. Мне, конечно, не сказали и не могли сказать – нельзя, потому что я считался равноправным членом их семьи, но жизнь-то для нас опять была тяжёлая, кузница была почти закрыта, не было угля и железа, да и вообще после артельной работы меня в кузницу мало тянуло. Я всё думал: вот после 2-х месяцев дадут мне полное освобождение, и я опять уеду в артель. Но, к сожалению, совсем не освобождали, и я три года подряд

Продолжение. Начало см. «На русских просторах», № 2(29) 2017 г.
Публикатор Римма Гебрмановна Парнова.

пользовался 2-х месячными отсрочками. Вот при каких условиях потекла моя жизнь летом 1917 года.

Этот отрезок моего века я назову самым паршивым. Если он был ещё сносным пока отец жил до сентября дома, а как уехал в Москву, мне окончательно было душно. Я оставил жену одну, а сам попробовал съездить на 2 месяца в Петроград. Действительно, меня посылали только на подёнку, постоянной работы не было. А жизнь была уже очень дорогая, и я почти то, что и заработал, то и прожил. После 2-х месяцев вернулся домой, а здесь уже получилась такая атмосфера, что мне окончательно стало душно. Я согласился – пусть лучше буду носить звание сполового, лишь бы найти покой душе своей. У отца в это время было 2 лошади, 3 коровы, мелкий скот. Хлеба порядочно сдавал в комитет голодающих, но они не набрались мужества предложить мне хоть какую-либо часть, чтобы мне приехать в Щелкачёво и начать жизнь, а сам у них я спросить не мог. Из Азова я им давал слово, когда они требовали, чтобы я больше посылал, что я все оставляю вам, что мне причитается из вашего дома, только прежде чем рассчитаюсь с долгами, я ничего не могу прибавить. И вот это вынужденное обещание им давало право говорить, что у меня пай в артели стоит 2-х домов бабкиных. Я взял то, что лично причитается мне и моей семье, и поехал в Щелкачёво. Отцу своему я ничего не написал, для меня всё было понятно, что отец был поводом ко всему. Следовательно, писать было нечего, и я распростился с Малинниками навсегда.

Приезд в Щелкачёво

Это было в конце ноября 1917 года, тещь был очень рад, что мы переехали, на лошадь у него было накошено сено, другого скота он не имел. Хлеба ему на одного может и хватило бы, потянул как-нибудь, но приехал я третий, да дожидал четвертого. Хлеб был очень дорогой, вообще был взят у всех на учёт. У кого считали излишки, сдавали в комитет, а у кого не хватало – получали. Так что отца моего заставили сдавать в комитет, а меня с семьёй внесли в списки голодающих. Вот материальная сторона тещь: из построек имел кроме жилой части амбар, сарай, ригу, всё на боку и полураскрыто, и полбани. У меня наличных средств никаких, правда, мы были обуты и одеты. Надо с чего-то начинать, но с чего – не придумаю. В артель ехать – там происходила революция, надо дожидаться комиссии.

В это время была гололедица, сезон ковки лошадей. В Щелкачёво стояла вполне оборудованная кузница у Коркина Кузьмы,

меня стали просить подковать кому лошадей, принесут и подковы и угля. Кузницу мне, спасибо, доверили, стал я немного зарабатывать, а самое главное – нашёл. куда пустое время тратить. Проработав месяц, я подвёл итоги и понял, что в артели на подёнках я больше не получу. Я решил продолжать, пока совсем не освободят от воинской службы, а владелец кузницы, видя, что я зарабатываю, предложил мне взять кузницу в аренду. Я согласился.

Жена второй раз ходила в комитет за хлебом, пришла с большими слезами, говорит, что больше не пойдёт. Там, говорит, нас датчики хлеба изругали на чём свет стоит, давай, говорит, с себя продавать, только чтобы не ходить туда. В кузнице я работал за деньги, но платили столько, что мне, если купить хлеб по вольной цене, то надо за 1 фунт подковать 5-6 ног. А я не только от жены, сам видел и слышал, как ругали голодаев, кто ходил в комитет за хлебом, другого и имени не было. Поэтому работать в кузнице я решил так, что за деньги буду ковать только тем, кто получает хлеб в комитете, а всем остальным – за хлеб. В нормальное время за ковку ноги на старую подкову я раньше мог купить 3 фунта, так сейчас я положу на 1 фунт и сравнительно с этим и на другие работы. Щелкачёво стоит в очень населённом районе, кругом деревни, а работа моя – и я сам – всем была известна ещё до женитьбы. У меня для собственного пропитания стал собираться свой продукт, конечно, он не собирался в таком количестве, чтобы я мог приобрести корову, но на мою семью мне стало хватать.

Я теперь услышал, что после прихода к власти большевиков наша артель закрылась, и весь капитал наш пропал. Лично я за него почти и не потужил, пришёлся он мне сравнительно не так дорого, я был силён, молод, негоден для военной службы. Факт роспуска артели подтвердился артельщиками, имеющими полный взнос. На этом и погасла во мне звезда артельщика, если я с такой высоты спустился до голодая, но всё же я опять нашёл нить своего честного и самостоятельного существования.

По приходе большевиков к власти, в Москве театр заставили работать в великий пост, но отец всё же как-то на 4-ю неделю приехал домой, со станции он проехал мимо меня, не заехал. Я дожидался, что он накажет с кем-либо мне приехать, но он этого не сделал, и я сам к нему не поехал. На обратном пути он также не заехал. Мне ехать теперь – только просить имущественной помощи, но я уже нашёл статью для питания, для развития сельского хозяйства. Я считал, что он, как порядочный отец должен позвать меня и дать, что может, но он этого не сделал, и так я вариться стал в собственном соку.

1 января 1918 года у меня родился сын, получилось 2 ребёнка, 4 человека взрослых, но без коровы. На лето я всё же взял споловую корову, смог немного заработать семян и посадил картошки, летом корма мы накопили порядочно. Но на зиму пускать некого, чтобы купить, то надо порядочно раздеть себя, я этого не хотел. Я надеялся вывернуться иначе, и вот, закончив покос на Ватчихе, жену я отправил домой, а сам пошёл к отцу в Малинники, я понял, что отец не может придти к сознанию помочь мне начать жизнь, он, видимо, считал правым себя по-своему. Я почти год не был в своём доме, приход мой очень удивил отца. Мы скоро подошли к цели. Я ему сказал: папа, я ушёл из твоего дома в твоё отсутствие. Я был вынужден уйти, не дожидаясь тебя, это во-первых, а во-вторых, если я не взял от вас ничего и не просил до сего времени от вас надела, то это потому, что когда-то я тебе писал: папа, я тебе не только синицу, но и журавля в рот положу, дай мне только рассчитаться с долгами. Как я оплачу мой взнос в артель, я буду вполне обеспечен, я дам тебе подписку, что всё, что причитается на мою долю, я её откажу на пользу моим родителям. Но я фактически был лишён возможности давать тебе даже синицу, остановился сразу у тестя, с чем я никогда не хотел мириться, я считал отрыв мой от артельной работы отрывом временным, и этот промежуток я только хотел честно провести, не отрываясь от моего родного дома. Но вы создали мне такие условия, что я не мог дальше. Я пришёл к тебе в такой момент, когда ты знаешь, что лопнули артели, и пропало всё. Ты знаешь, что я состою в списках голодая, а ты мой хлеб сдавал в комитет. Я уже достиг возможности кормиться, но я не имею возможности начать обзаводиться сельским хозяйством, а сейчас, раз нет артелей, оно необходимо. Вот цель моего прихода: я прошу в силу всего вышеизложенного выделить мне, что ты можешь, чтобы я мог завести хозяйство. Отец мой предложил мне телёнка, овцу, культу ржи и 100 снопов овса немолоченного. Чтобы получить больше, я вынужден был идти подавать в суд, но я не пошёл. Поблагодарил и за это, надеялся, что у него отойдет сердце, и потом он прибавит. Но у него не только отошло сердце, отошла душа. На весну он помер. Я так много плакал у его гроба, подняться не мог, это была весна 1919 года. Но я получил приданое от отца, снял свой первый небольшой урожай. Я на зиму пустил споловую корову, телёнка, овцу и лошадь, я уже стал не совсем бобылем, а у меня копился на дворе навоз, следовательно, дальше можно было ожидать хлеба.

В эту же осень меня как кузнеца позвали на берновский спиртзавод. Председатель исполкома предложил осмотреть кот-

лы, пришедшие в негодность. На них просили разрешения на вывоз. Меня спросили, не могу ли я из них что-то сделать, так как с железом вообще было очень плохо. Мне предложили купить, так как не хотели выпускать в чужую волость. Я нашёл, что труд требуется великий, но всё же он может оплатиться. Приобретя котёл, я привез его в кузницу, занялся его расклёпкой, а когда расклепал на пластины, я стал рубать на детали, заготовки. В результате я нарубил лемехов к плугам, полозков, шин для колёс, отвалов для плугов. Всё это был нужный и дефицитный материал. Я мог теперь принимать работы и исполнять их своим материалом, работа у меня закипела. Проработав лето 19-го года и сняв урожай, проработав в кузнице, я приобрёл на зиму корову, да телёнок подрос уже тоже, пустил 3-х овец и посеял озимых больше предыдущего.

В кузнице у меня дела поднимались на высоту, обменял хорошую лошадь, произвёл небольшой ремонт жилой постройки, так что материально я очень поправился и рассчитывал дальше жить более обеспеченно. В течение лета 19-го года у нас помер тесть, мы его похоронили как подобает. Я уже юридически стал считаться главой моей семьи и хозяином тестева дома. Какое же моё моральное положение в Щелкачёве было? У тестя полевая земля до 75% сдана в аренду. Сдают в аренду под навоз и получают обратно тоже под навоз через 7 лет. Поэтому я старался собрать свою землю из-за того, что когда-то я страшно боялся быть споловым. На этом участке у меня были немалые трудности, а именно после октябрьской революции и после объявления закона о земельной реформе на местах стали поговаривать о переделе земли, такой разговор вёлся и в нашей деревне.

В части примаков¹ ещё была неясность, где они должны участвовать в переделе – по месту родины или по месту жительства. На примаков в этой части было полное гонение, откуда приехали – туда и обратно для передела. Куда я мог поехать обратно? Этого пути для меня не было, куда хочешь, – вперёд, но ни шагу назад! Я не был пассивен к переделу, мне нужно было хотя бы свою землю получить до окончания арендного срока, а то мне её возвращали с боем. Это с одной стороны, а с другой, я имел призывание к этому, чтобы закрепить плоды революции. Поэтому я был за передел, верхушка деревни была страшно настроена против меня, и настаивала, чтобы не давать примакам земли. Пусть уедут к себе – там тоже передел. Вот здесь-то у меня было слабое место.

---

¹ Примак – человек, поселившийся после женитьбы в семье жены, принятый в семью жены (*устар.*).

В других местах слышно было, что землю поделили, но примаков и их семьи не наделили. Наши щелкачёвские кулаки крепко за это агитировали, они также агитировали и за мои работы в кузнице. Своих работ мне не давали – возили в другие деревни. Если им там задавали вопрос, почему вы не у своего кузнеца Парнова, а здесь, то они старались всячески омрачить мои работы. Между тем, преследуя цель, чтобы я корни в Щелкачёво не очень пускал, такая агитация имела успех, некоторые работодатели не доверяли мне свои работы. Всё же положение с переделом назревало, оно чуть не состоялось весной 19-го года. Но кулачьё, опасаясь, что рабочая пора, отложили ещё на год.

Пожар

Осень 1919 года и предстоящая зима для меня были закрепляющим моментом времени, материально я чувствовал себя превосходно, но дадут земли или нет? Это было для меня очень важно. Сходки были каждый день, многое зависело от уполномоченного селением (выборное лицо). Он руководил собраниями и зачастую защищал интересы кулаков. Много было собраний, где просто умышленно топтались на месте. И вот в такой момент 20 января 1920 года во время происходившего собрания была пожарная тревога: частый удар колокола означал пожар в своей деревне, выскочили, где у кого горит? Горел мой дом, всё мое имущество и запасы хлеба, картошки. Но это не всё: в пожаре погибли двое моих детей – девочка Валя 5-ти лет, не осталось никакого следа, как будто бы украли её. Мальчика Борю 3-х лет красненького вытащили. Он 2-х часов не прожил, мучился и помер. Как получился пожар? Я сам был уехавши за углем, дома оставалась мать с двумя детьми, и была наёмная старуха-нянька. Жена вечером топила печь, промешала кочерёжкой, бабушка, немного погодя, закрыла трубу, а сама пошла на собрание. Через полчаса была дана пожарная тревога. Я вернулся часов в 10, уезжал, чувствовал себя сравнительно обеспеченным, но вернулся и почувствовал, что я нищий. Выгнали только скот, остальное всё погибло и даже погибли мои любимые дети. Почему я так наказан?

Поводом к пожару была топящаяся печь, но способствовал ему пожарный староста Чубук. Чем же именно? Наши односельчанки И. Абрамова и А. Телина на утро приходили – подавай на Чубука в суд. Мы его удерживали, не надо бить стекла до прихода пожарной машины, но он не послушал нас, разбил стёкла и тем

самым дал свободу огню. Вначале горели лишь обои внутри дома, но, когда огню дали воздух, обнялся весь дом. Полезно было бы разбить стёкла и пустить струю воды, но тут было злонамеренное действие Чубука. Он был самый сильный кулак деревни и яростный противник передела. Словам Абрамовой и Телиной я поверил, но в суд не подал на него. Я похоронил своих детей и остался в горе и в отчаянии: нет имущества, нет детей, нет дома моего, и сам я чужой здесь, примак споловой. Мне не хотели давать земли, и вот теперь как жить, где жить и с чего начинать. Если бы такое несчастье случилось в Малинниках, мне было бы полгоря. С моим горем поделилась бы вся деревня. Здесь несколько бедняков принесли мне на погорелое место по корзинке картошки, таков обычай был, но из зажиточных – никто. Я слышал даже агитацию по деревне – не помогать мне, он будет строиться, и тогда надо давать ему земли, пусть едет к батьке в Малинники. Но как ехать туда? Я уже был у них после первого своего поражения, и что я получил? И теперь будет тоже самое, если не хуже, будут все упрекать. Нет, не поеду. Но опять второй вопрос: 20-й год самый голодный, деньги были ничто, всё на хлеб. Хлеба у меня нет, с чего начинать? У меня заходил ум за разум. У меня были такие отчаянные моменты, что я вообще не видел выхода. Поступить так, как вообще поступают погорельцы – пойти по миру и просить подаяние, так делают все, но я на этот счёт оказался очень горд. Как это можно в чужой деревне, да меня будут целый год упрекать этим подаянием. Нет, лучше помереть, чем по миру ходить. И опять приходишь в отчаяние, начинаешь перебирать всё, что погибло, и после итогов кажется совсем невозможным это наверстать. Один раз дошёл до такого сумасшествия, что не хотелось жить. Но какая-то неведомая сила удержала меня, мне прямо в ухо шептал невидимый голос – что же ты растерялся, ведь ты только ходишь да ахаешь, но сам ничего не предпринял, ты ведь очень молод, попробуй, не выйдет – тогда уж и применишь это, оно от тебя не уйдет. И представьте себе, этот невидимый голос отрезвил меня, и я сразу стал писать план – план выхода из положения.

Постройка дома

Кто имел какое-нибудь домашнее животное, то привык к нему и не может потом долго жить без него. Но кто имел детей своих и безумно любил их, тот долго не может их забыть. И вот после пожара мы перешли в совсем в пустую избу, где абсолютная тишина в доме. После того, как ты привык к детской трескотне, эта ти-

Дом Ивана Павловича и и Анны Петровны в Щелкачёво. 50-е годы

шина была убийственной. В связи с предстоящей стройкой, надо рано уходить и поздно приходить, и я все думал, что там осталась одна жена, которую я часто заставлял в слезах из-за одиночества. И вот первым делом я занёс в план постройки переехать куда-либо. Далее я наметил пути поступления средств. Их достать надо так, чтобы не поработить себя, путь для жизни впереди оставить вполне свободным. Поэтому первым моим делом я решил просить через волостной комитет от волости по 1 фунту с дома взаимнообразно. Во-вторых, я поехал по родным просить займы, кто сколько может дать хлеба. Дальше я выхлопотал себе леса, мне как погорельцу дали бесплатно. Я не знал, какой мне заготавливать лесоматериал. Поэтому я занялся проектом плана постройки дома. Мне помог в этой части Павел Филиппович, к которому я обратился за советом. Он мне сказал, что размер не играет роли, что маленькую, что большую хату ты будешь рубить если она при 4-х углах. Вот если ты пятистенку решишь, там разница будет. Мы посчитали, сколько потребуется трудодней для 12x10 и 9x9 аршин, сколько каких материалов. Это для меня как для молодого хозяина было большим вкладом, я приступил к заготовке леса. Последний я заготавливал на больший размер, не хватит средств – обрежу покороче. Я заготовил лесоматериал, мне нужно было подытожить поступление средств.

Я ездил по деревням по уполномоченным, обсуждал на сходках мои просьбы и какой результат? Из предполагаемых мной 30–35 пудов, обойдя волость, я имел 4 пуда, большинство деревень пред-

лагали пройти по домам, ты, говорят, соберёшь воз, а не фунты, но я всё же на это не пошёл. Итак, я заимел по первому проекту 4 пуда. В Бибикове у меня была богатая тётка². У Кислят (?) мне насыпали меру картошки как подачку на погорелое место, я не взял. Лебедь (?) 4 с половиной аршина на рубашку давал тоже как подачку, и я тоже не взял. Хлеба в Бибикове не дали. Мешочники по деревням ходили партиями, и поэтому мне дать хлеба в такую минуту сознательных оказалось мало. Но из своей родни я должен сюда записать Петра Михайловича Романова, Егора Михайловича Парнова. Первый сам прошёл по своей деревне Глазуново и собрал пудов 20 картошки, она равнялась по ржи 5 за 1, и 3 пуда овса, около пуда ржи, а второй привёз мне мешок своего овса. Всё это было очень мало, и я решил пойти по богатым мужикам волости. Вексель старые были нарушены, новых ещё не выпустили. Я заготовил собственной рукой бланки вроде векселей, подпись заверил свою у председателя исполкома. Эта система мне очень помогла. Зажиточных в своей деревне Щелкачёво я обошёл по-другому. Я знал, кто чем располагает, и по предварительному расчёту мне обещали дать займы и хлебом, и тёсом, и другими материалами. Но когда у меня уже дом под крышу был поставлен, то некоторые мне прямо отказали, зачем я большой дом построил. Лучше всех и больше всех мне взаимно помог Кузнецов Николай Дмитриевич. Чубук не только не помог мне хлебом, но, когда сходкой постановили дать мне леса по подводу с дома, эту подводу он сказал мне, что с меня приходится подвода ему за быка, а поэтому мы с тобой в расчёте, и даже в лесу на моих ёлках он делал свои метки и увозил к себе.

Как же помогли мне родные братья? Гавриил в то время работал в уездном Посред. бюро, он мне дал вёдра и некоторую посуду, хлеба у него не было, на Николая и Александра ещё до пожара я подал в суд, так как после смерти нашего отца они не стали делиться, и я заявил протест, потому что – выше я говорил – при первой моей получке пая я рассчитывал, что потом сердце отца отойдёт, и он прибавит мне. Но он умер, и всё оставалось братьям, а поэтому в своём протесте я ставил себя как законного наследника, не полностью наделённого, и вот меня настиг пожар. Перед судом я поехал к ним в Малинники доказывать своё положение и просил помочь мне без суда, но брат Николай отказал наотрез. Мать и Александр дали мне из своего пая корову и мешок овса (я пишу из своего пая, потому что у них уже было всё имущество разложено). Николай сказал,

---

² Екатерина Михайловна Сергеева, урожд. Парнова, родная сестра отца.

что без суда ничего не дам, пришлось идти в суд. Всё, что я просил, мне присудили, и что причиталось мне из пая матери и Александра. Я с них больше не взял, чем то, на что мы согласились добровольно, но из Николаева пая я взял, но он и по приговору мне ничего не дал до тех пор, пока я не приехал с милиционером. А сам по себе он мне на погорелое место никак не помог и не привёз из леса ни единого бревна. Сестра помогла мне возить лес, но хлебом она не располагала. Вот мои ресурсы. Кроме того я сменял своего коня, мне за него дали очень здорового мерина, хорошую корову и стёкол на 6 рам.

Как же в Щелкачёво вообще отнеслись ко мне? Я нанял в Берново пильщиков пилить байдак - тёс, и когда они вошли в край деревни, их перехватили, и эти пильщики ко мне пришли лишь тогда, когда обработали всю деревню. Когда они поработали у меня один день и покормились, то сразу открыли мне всё. Знаешь почему мы тебя обходили? Да нам все говорили, что у тебя всё сгорело и кормить нас нечем и нечем заплатить, но вот, когда мы у тебя поработали день, мы увидели, что нас ни в одном богатом доме так не кормили, как у тебя. В части оплаты я им показал наличие моего хлеба. Видимо, так было и с плотниками - подходили и уходили. Когда я рассчитал пильщиков, те за меня сказали плотникам, и я уже, несмотря на агитацию со стороны щелкачёвских, мог подрядить людей срубить себе дом. Плотники оказались очень хорошие, и за моё порядочное отношение отделали замечательный мне домик 12 × 10, 5-ти стенка, два входа - парадный и чёрный, клеть и молочник под одну связь, дворик небольшой 12 × 9. Со всеми я рассчитался, сложил печь, и на Иванов день 24 июня мы перешли в свой собственный домик, молодая хозяйка напекла пирогов, в доме стало пахнуть не только свежей смолой, но и печёным. А через две недели моя хозяйка подарила мне сына, мы его назвали Борисом, в память погибшего, и так мы были рады первому его пisku в своём новом доме, что мы окончательно стали приходить в нормальное нравственное состояние. Всё это было страшно не по духу верхушке щелкачёвских.

Как же обстояло дело с другим? До Троицы я не вылезал из чуней, у меня и у жены не только праздничного, но и будничного белья не осталось. Когда я смог одеть кожаные сапоги после чуней, то чувствовал себя так, что и описать трудно. Как и на кого подействовало возведение моего дома? Про всех я писать не буду, но мой старший брат, который больше находился в Старицах, ехал мимо нашей деревни, дом у меня уже был снаружи готов, но он проехал мимо и не зашёл посмотреть, как брат строится, он

только, не слезая с телеги, глазами встретил и проводил мой дом. Меня в этот момент дома не было, приезжаю – говорят – проехал и не зашёл. Что я мог подумать? Скрытая ненависть – ни что иное. Но всё же в Ильин день по случаю рождения сына Бориса, я делаю крестины и новоселье в своём доме, приглашаю всех своих родных и помогавших и непомогавших мне на этот праздник. Привёз попа Ефрема, сделал водосвятие в доме, окрестил сына и получил благословение на дальнейшую мою трудовую жизнь уже в своём, а не в тестевом доме.

Чёрный передел³

Опять, как и при вступлении в артель, у меня оставалось много долгов, мы были разуты и раздеты. Надежда была только на себя. Я перестал быть активен в переделе, уже от правительства было опубликовано разъяснение относительно примаков, где говорилось, что все приехавшие в селенья до 1 января 1918 года должны надеяться землёй на равных началах. Это мне давало право на получение земли в Щелкачёво. Но всё же я сделал все усилия на кузницу, стал работать чуть ли ни день и ночь, зимой приносил в новый дом на ночь работу. После пожара я стал работать или на хлеб, или на кое-какое барахло, мне всё было нужно. За деньги я не работал. В результате через год я со всеми рассчитался, кому отработал в кузнице, а кому уплатил тем, чем брал. Я честно вышел из положения, путь мой на дальнейшую жизнь оставался безупречным. Благодаря моему усиленному труду, раны мои быстро залечивались.

Настало лето 1922 года. Прошла навозница⁴, я имел навоз от 2-х коров, 1 лошади, овцы, поросёнка, но у меня в поле совсем не оказалось полосы. Как это получилось? Да очень просто. Тесть у меня помер ещё до пожара, он вообще когда был жив, некоторые полосы мне показывал: вот когда будут класть навоз, то это вот наша полоса. Пришло время её возвращения, но мне никто не хотел сказать, где она. И во-вторых, здесь уже существовала продрозвёрстка, налоги платили натурой; и вот это натуроисчисление было таково: у соседа было 3 души, и он платил только за 5 с половиной десятин. У меня же была одна душа земли, и я платил за 4 с половиной. Такую ненормальность никак не хотели исправить, всё это меня вооружило на чёрный передел. И осенью покончив с уборкой урожая, насту-

---

³ Всеобщий раздел земли между крестьянами.

⁴ Время, пора вывозки навоза со двора в поля для удобрения, а также сама вывозка.

пали сроки перевыборов, я поделился кой с кем, на кого мог надеяться относительно кандидатуры, надо было выбрать своего парня, иначе нам никогда не поделить землю. Жребий пал на меня, наши агитнули, и нужное большинство голосов было подано за меня.

Когда я был утверждён волостным исполкомом, то я сразу же на первом собрании поставил вопрос о чёрном переделе. Я составил в первую очередь план работы по переделу. Я наметил по нему действовать так, чтобы нам весной уже приступить к полевым работам по новому землепользованию. Что же вошло в план передела? Добиться большинства за передел. Всякое решение записывать в книгу протоколов и заполнять подписями всех присутствующих. Кто против и не подписался, фиксировать в протоколе. Как это ни было трудно, но всё же голосов «за» мы набрали больше двух третей; всех, голосовавших за передел, я попросил расписаться в книге. Итак, наше первое решение есть. Во втором протоколе мы записали, у кого сколько едоков, в 3-ем протоколе мы решили передел производить своими силами. Это тоже большое было решение, так как, если нанять землемера, требовалось много хлеба на его оплату, а хлеб был дороже золота. В 4-ом протоколе мы зафиксировали все земли, подлежащие переделу, количество земли в десятинах, качество грунтов и их количество. Наметили какие полосы и в каком поле относятся к тому или иному грунту земли, подсчитали в каждом поле, сколько того или иного грунта земли в десятинах. Данные о количестве земли мы взяли из перечня полос при закреплении личной собственности, где каждая полоса носила свое название и была обмерена землемером. Произвели оценку грунтов, перевели на деньги, на какую сумму в каждом поле и вообще разложили, сколько в среднем приходится на каждого едока в рублях, разложили, сколько и в какое поле должно быть посажено едоков.

Над этим протоколом нам не один вечер пришлось поработать, но мы его закончили. Когда предложили его подписывать, то каждому было известно, что: 1) грунтов у нас 4 типа, 2) Цена 1-го – 100 руб., 2-го – 75 руб., 3-го – 50 руб., 4-го – 25 руб., 3) каждый знал, что в среднем на едока должно получиться 104 руб. 59 коп. 4) какая полоса 1-го, а какая 4-го грунта. Всякая антипередельная агитация против закрепления этого протокола была бессильна – все подписались. Подписались и те, кто был против передела, но каждый со своей оговоркой. Это не меняло положения, протокол был подписан мною и секретарём заверен.

Как же я себя чувствовал во время этих проделанных работ? А вот как. Всё это было проделано по моей инициативе. Предва-

рительно я обсудил с активом, поддерживающим меня, и на общем собрании всё намеченное проводилось легко. Но зато после собрания меня всегда провожали до дома сочувствующие мне. Я не знаю, чего они больше ценили – меня или книгу протоколов, но положение было очень угрожаемое. Семья Чубуковых способна на всё, сам силён и 3 сына выше меня. Четыре человека ходили каждую сходку, целый ряд угроз было записано в книгу протоколов, при ведении собрания хватали за грудь меня, но я был спокоен и непоколебим. Когда принял дело уполномоченного, я первым долгом выступил со своей декларацией. Я сказал, что тот передел, который ведётся в нашем селении уже 3 года, будет проведён в одну зиму. Я делаю это, чтобы положить конец безобразию, чтобы платили продрозвёрстку с той земли, которой будут пользоваться. Во-вторых, поскольку волна революции прокатилась по всему миру, значит, для ознаменования её нужно провести в жизнь новую земельную реформу, и я её проведу. Если мы шагнём шаг вперёд, то мы никогда не отступим. Никакой саботаж, никакая угроза мне не мешает провести то, что я говорю. И далее, если Чубуки пытались подколачивать на свою сторону сторонников, я быстро умел это разоблачать. Они хотели неявкой на собрание срывать таковые. Я делал вторичные посылы и неявившихся записывал в протокол как злостное уклонение. Я ввёл порядок и записывал его в протокол, что в конце собрания объявлялась следующая сходка – будет тогда-то и с такой повесткой дня. И вот с такой вот установкой я имею вполне законных 5 протоколов по ведению чёрного передела. Чубуки, видя, что все их попытки саботажа бессильны, пошли на последний шаг угроз. На это я им заявил, что на все ваши угрозы, я заявлю, куда следует и заявлю, кстати, что вы способствовали горению моего дома. Три четверти населения, ценя ведение мною дела, всё же провожали меня со сходки домой.

Наступил самый ответственный участок работы по переделу – добровольное расхождение граждан по полям. Надо было сделать так, чтобы граждане не бегали из поля в поле, а раз сел куда-либо, то и сиди. Поля были все подходящие, кроме сенчуковских, а поэтому я наметил программу так: во всех полях, кроме сенчуковского, брать по одному участку, а в сенчуковских – по два участка. Наметил, как должны идти участки и с какого поля начнём заселять и как заселять. Для последнего я предложил систему, что в следующую сходку мы начинаем заселять от такой-то межи, с таким-то грунтом. Желающие сесть на этот участок должны подавать заявление и указывать, на какой участок по порядку от межи

он желает сесть. Если поступит на одно и тоже место несколько заявок, будет дан жребий и вытаскивший жребий с участком его получит как результат жеребьёвки и подачи заявления. Всё фиксировалось в протоколе. О всяком подлежащем заселению участке объявлялось в конце собрания, что на следующем собрании будет заселяться такой-то участок. Такое устройство могло дать каждому подумать, куда ему сесть. Всю эту программу на общем собрании одобрили и приняли.

Передо мной, как руководителем передела, ещё до подачи первого заявления поставили вопрос, а куда же вы думаете сами сесть? Поводом к этому служило обстоятельство, что уже привыкли к тому, что, кто во главе какого-либо дела, то он обязательно в первую очередь себя наградит. На этот срыв передела была последняя надежда противников, но я торжественно заявил, что я всё вел беспристрастно и поэтому возьму там, где останется. Такое моё решение, я даже записал это в протокол. Все предполагаемые сомнения за меня разлетелись, и мы приступили к заселению полей.

Потребное количество едоков набрали в одно поле, переходим в другое. Чубуковщина, видя, что дело мною завершается, дрогнула, половина их группы тоже стала подавать заявление о наделении их участком. Но я предложил, если вы подаёте заявление и просите наделить вас в установленном порядке, следовательно, вы, выходит, согласны со всеми нашими протоколами, а раз так – будьте добры подписать их, что было и сделано. Первая половина эта пошла на то, чтобы им дали хутора, то есть всю землю вместе: пахать, покос и выгон. Это было оформлено письменно заявлением, просимая ими земля была отрезана вся в выгонную площадь, следовательно, она не была нам помехой для передела, то есть за счёт отвода их хуторов в селении цена уже не 104 руб. 59 коп., а больше. Нужно только подсчитать и из каждого поля убавить делимые единицы. Но я лично с отводом таких хуторов был не согласен, а только потому, что хутор Чубуковых должен расположиться через прогон скота соседней деревни Кожевникова. Я знал, что для них это будет очень неудобно, но меня все наши граждане стали упрашивать отпустить Чубуков из деревни. Борьба была немалая, и я согласился лишь тогда, когда заручился согласием со стороны кожевниковских. Таким путём работа по переделу была успешно закончена.

Настал момент нарезки участков, мы уже эту работу легко могли проделать, но предстояло ещё утверждение. Каждый, получивший себе участок по его собственной воле, уже не как в начале считался с расходами, а сейчас охотно шёл на расходы, лишь

бы скорее оформить. Это надо было делать через Уездное земельное управление, мы поехали заключать договор, внесли аванс. К нам сразу прислали землемера, последний только и проделал, что переписал своей рукой наши протоколы. Никаких изменений не было. Лишь одна гражданка Гусакова была недовольна своим участком, её можно было на нём оставить без зазрения совести, но я и здесь был верен своему слову. Я предложил ей в поле под Сенчуковыми, а сам сел в поле к Кожевникову.

Прогуляв масленицу, мы стали заготавливать столбы, первые столбы понесли все вместе с большим торжеством, и таким путём ещё до первой проталины у нас вся работа была закончена. Каждый знал, где их участок, а с наступлением весны начались расчёты навозом, то есть, кто получал участок с 100% удобрением, тот должен был уплатить навозом, у кого был пар в этой части – также не получилось никакого недоразумения. Одним словом, проведя передел, кончились всякие споры и неполадки на сходках, все были довольны, никаких нареканий и угроз. Всему этому способствовало не только умелое руководство, но самое главное то, что я провёл его беспристрастно. Другим казалось, что я даже получил меньше, чем в среднем полагалось всем, так как мой участок захватывал 3/4 низкосортной земли, нужна была мелиорация. Он больше подходил для травосеяния и яровых культур, но я говорил: нет плохой земли, а есть плохой хозяин. Это я слышал от своего отца, в 1914 году он тоже брал участок низкого качества и говорил про немцев, что у них нет плохой земли, а есть плохой хозяин. Я был молод, чтобы это проверить на фактах, но я во многом подражал своему отцу, и поэтому я просто повторил его слова.

Приобретение своей кузницы

Как видно из предыдущего, для передела земли мною было потрачено много времени. Кузница моя больше была закрыта, чем работала. За период передела я много не заработал хлеба, но всё же морально я чувствовал себя превосходно. Каждому, кто позволял себе недооценивать меня, я дал понять, что со мною шутить не надо. Я показал, что меня за взятку не возьмёшь и не запугаешь силой. Со мной уже считались и, дождавшись перевыборов, я сдал дела уполномоченному и вернулся в кузницу. Семья моя увеличилась. В Петров день родился сын Пётр. Нужно было и больше хлеба, и больше всего. Хозяин кузницы предложил мне её только

Иван Павлович и Анна Петровна
Примерно 1926 год

Иван Павлович и Анна Петровна
с детьми Борисом, Петром и Валентиной. Примерно 1926 год

купить, в аренду он больше не намерен сдавать. Я был вынужден купить её, так как без кузницы я не мог существовать. Я купил только инструмент да хлеб в рассрочку, купил у соседа ригу на кузницу. Кузницу поставил на огороде у себя. Здесь мне уже совсем было хорошо, я мог работать и не носить работу на дом, я весь погрузился в кузницу. Я не думал больше об артели, меня не тянуло ни на какие выборные работы. Проведением передела я показал образец работы. Я мог бы пройти и в волость, но там такие маленькие были ставки, что всех заставляли жить на взятки, а я на них никак не способен. В силу этого я был убеждён, что самое подходящее дело – заниматься кузницей и сельским хозяйством.

В последнем у меня очень способной оказалась хозяйка. Если я подмечал недостатки хозяйки в отцовском доме, то в собственном доме должен отметить успехи, зависящие от хозяйки. Прожив в Щелкачёве 5 лет, у меня не было случая, чтобы я даже ягнёнка выкинул за забор, но все с любовью к каждому животному относились. Если кто у ней не пьёт почему-либо, она не ляжет спать до тех пор, пока не напоит. Я по кузнице, хозяйка по животноводству, и мы зажили после передела на славу. Мы росли не по дням,

а по часам. Работой меня завалили в кузнице, последнюю я уже считал своей, так как последние взносы за неё я уплатил. В жизни своей я никогда бесплатно не пользовался чужим. У меня не было колодца, я соседу платил за воду, а потом выкопал свой, и так за всё платил. Поэтому после пожара мне пришлось одеть себя только в самое необходимое, труды наши все уходили на приобретение того, в чём мы были зависимы от других.

В первую очередь, я построил свою баню, купил свою веялку⁵, пружинную борону⁶, отремонтировал амбар, сарай, прибавил двора ещё 12 аршин. На участке завёл 11 полос, из которых 2 паровых, 2 с рожью, 3 с клевером, 2 с первыми яровыми и 2 с вторыми яровыми. На участке провёл мелиоративные работы. У меня народилась ещё девочка, мы были очень рады и назвали её в память погибшей тоже Валеи. Было это в 1924 году.

Развитие молочного дела

Как это мило, иметь свое хозяйство, тем более молодое. Ты встанешь ото сна, войдёшь в любимый садик, деревья посажены все тобою, правильно развиваются, и ты смотришь на них с улыбкой радости, лелеешь себя надеждами, что все деревца будут приносить тебе плоды свои, но здесь же представляешь себе другое. Как ни хорош мой сад, но много он не может дать, если его не будешь любить, если за ним не будешь ухаживать. А над ним надо больше и больше работать, и только после чего надо ждать плодов. И так, любуясь своим садом, посмотришь в сады своих односельчан, так ли они растут, так ли развиваются их хозяйства, то видишь большую разницу, вполне естественную. Получается, что у меня фактически два хозяйства, которое считать основным, а которое подсобным, я не знаю, потому что вместе я их начал развивать, и они почти не отставали друг от друга в своём развитии. Всё это безусловно создавало для моего хозяйства условия расти быстрее, чем у моих односельчан. Правда, были в Щелкачёве хо-

---

⁵ Веялка – сельскохозяйственная машина, предназначенная для отделения зерна от мякины. В процессе веяния из зерна удаляются также насекомые-вредители.

⁶ Борона – сельскохозяйственное орудие для обработки почвы. Боронование предохраняет почву от высыхания, выравнивает её поверхность, разрушает почвенную корку, уничтожает сорняки. Могут использоваться как отдельно (например, агрегатироваться с тракторами на сцепках), так и совместно с другими сельскохозяйственными орудиями (плугами, сеялками, культиваторами и др.).

зайства, которые меня перегоняли, но зато за ними регистрировались чёрные пятна, а остальные граждане, занимающиеся честно только сельским хозяйством, не имея никакого подсобного работника, конечно, не могли со мной тягаться. Прожив после пожара 5 лет, я уже многих не только догнал, но и перегнал.

А как же дальше, если ещё 5-10 лет пройдёт, я уйду далеко-далеко, а мне ещё только 28 лет. Я много над этим думал, зачем мне одному так здорово выпячиваться, почему не идти на небольшом расстоянии друг от друга, а то ведь получится опять большая разница, через десяток лет опять получится класс имущих и малоимущих, и опять будут делать революцию, малоимущие будут требовать передела земли и проч. Вот недавно я сам был во главе малоимущих и проводил чёрный передел, разве для зажиточных легко было делиться своим? Конечно нет, но если я возглавлял этот передел, то не потому, что я не мог без него существовать. Из предыдущего видно, что мне не нужны были не только земля, но даже и кузница. Будучи Бароновцем (так называли членов Артели барона Штиглица), я считал себя обеспеченным, но раз совершилась революция, и совершилась она совсем без нашего участия, но раз уж она совершилась, мы должны на ней учиться и в дальнейшем таких вещей не повторять. А поэтому, как же выйти из положения? Ведь нельзя же заставить себя меньше работать только из-за того, чтобы имущественно не превосходить своих односельчан. Надо что-то другое, такое, чтобы трудом и ты сам, и твои односельчане всё больше и больше захватывались. Значит, надо все ошибки предыдущих зажиточных классов учесть и не жить только для себя, но надо кусочек своей жизни отдавать для других. Только тогда не будет такого резкого отставания. Если я ускорил передел, то этим я торопился скорее поравнять всех в правах на жизнь, без этого уравнения послереволюционная жизнь не могла войти в свою нормальную колею.

Теперь, когда всё это совершилось, я решил идти полными шагами сам и помогать отстающим. В чём моя помощь должна выразиться? Ведь, если я буду ежемесячно отчислять некоторую сумму в фонд отстающих, то ведь это никак не будет являться для них реальной помощью. Такой помощью можно только людей избаловать и испортить, они вместо того, чтобы работать больше, совсем сложат руки. Помощь им нужна не финансовая, а физически нравственная. Поэтому сразу же после передела, я в нее впрягся. Она у меня выражалась в оказании помощи в ведении многополья. Я выписывал литературу по агрономии, по

ней разъяснял, как можно больше снять урожая. Выписывал литературу по животноводству и по ней решил в своем селении сделать молочное хозяйство. Я решил научиться и из молочного хозяйства извлекать больше пользы. Всякое такое учение оно успешно только с примером на себе, следовательно, я завожу породистый скот, рекомендую всем это сделать. Начинаю кормить скот по норме, всё это демонстрирую открыто перед населением, при нём же вывожу результаты, с соломы и сена начиная и кончая жмыхом, корнеплодами, клевером. Вывожу разницу, полученную за вычетом ухода и корма. Лично для меня оно, пожалуй, было убыточно. Чтобы снести молоко, я зачастую закрывал кузницу на час-два. Из-за этого простая польза у меня от молока снижалась, но всё же я делал это, дабы раскатать молочное дело в своем селении. Труды мои имели успех. Граждане села Щелкачёво вполне осознали пользу от кормления по норме и сильными кормами. Лично я сам на сельскохозяйственной выставке получил диплом и премию за двух коров и бычка симментальской породы. Все сразу подхватили это дело, скоро почувствовав его у себя в кармане, и потащили на буксире остальных. А я в пример другим стал строить тёплую конюшню, каковая безусловно тоже в молочном хозяйстве нужна.

Взятие учеников

Четыре года империалистической войны, да около этого гражданской, создало в стране конечно кризис в специалистах. Правительством на этот счёт было обращено внимание, и был в печати опубликован призыв к кустарям учить молодежь. За это обещали льготы. Я на это легко откликнулся и взял ученика. Когда я сам учился у кузнеца, то помню, что, проработав у него два с половиной года, я требовал для себя горн, дескать, я ученик, давай-ка, дядя, мне пора учиться ковать железо, а не молотом бить. Поэтому я уже сам за своих учеников позаботился, чтобы они были вполне обеспечены на предмет практических занятий. Проработав год, я взял второго. Потом поставил новую тёплую кузницу на 2 горна. Время пришло поставить на практику старшего мальчика, второго к себе в подручные, а 3-го взял в подручные к старшему мальчику. Я решил, если заниматься их учёбой, надо держать троих и расставлять их, как сказано выше. Работы у меня вполне хватало. Авторитет мой за кузницу разлетелся на 25 км местами, я был лучший кузнец в округе. Работой я был обеспечен, и кузница моя шагала в ногу с моим сельским хозяйством. Я её обставил нуж-

ным инструментом, поставил навес, кладовую для работ и угля и железа. А в семье у меня тоже прибыль, родился ещё мальчик, назвали его Германом (1927 год).

Организация молочного животноводческого товарищества и сырного завода

Каждое новое мероприятие среди малограмотных односельчан легко прививается, если всё это не только прочитаешь или расскажешь, но когда продемонстрируешь на себе. Тогда только оно для них понятно, и они решаются на него. И я, имея успех в развитии молочного дела среди односельчан, должен был позаботиться о коллективном сбыте и обработке продуктов. Я связался с соседним селением Кожевниково. Там также население занималось сельским хозяйством, никаких кустарных промыслов и подсобных мероприятий. У них молочное дело шире нашего, в этой части они всем селением ушли вперёд нас, но индивидуально, там ещё не было на это аттестованных примерно как я. Связавшись с их активом, мы повели речь об организации молочно-контрольного товарищества и об организации сыроваренного завода для обработки собственного сырья. По первой части мы быстро решили созвать представителей от ближайших селений и постановили организовать Молочно-контрольное товарищество. Назвали его именем своего района, то есть Берновским. Я вошёл в состав правления. Прежде чем приступить к организации сырного завода, надо было расширить молочную базу. Кроме наших двух сёл – Щелкачёво и Кожевниково – везде кормили по старинке, а поэтому мы пригласили к себе на работу ассистента-лаборанта. Тот взял весь скот на учёт, установил продуктивность скота, выявил лучших коров по удою и проценту жирности. Мы задались целью разводить скот исключительно тот, от которого можно больше получать пользы. Мы образцово поставили коллективный сбыт молока и обеспечение членов сильными кормами. Из наших членов впереди всех был Семён Иванович Ширяев. По точным данным он получил с переходом корма по нормам и усиленным кормам от двух коров 540 рублей. Эта сумма равнялась почти 400 пудам хлеба. На таких и подобных ему фактах мы агитировали за развитие молочного дела в своём районе.

Наконец, мы расшевелили людей, у нас некоторые хозяйки завели целые журналы статистики. Всё это демонстрировалось открыто, поэтому база молочного сырья была достаточно развита для организации сырного завода. Мы наметили специальное со-

брание членов Товарищества по этому вопросу, предварительно предложили обсудить в каждом селе у себя. В нашем селе говорить много не надо было, нужен или не нужен завод, а говорить нужно было, где его поставить. По существу он должен быть или в Щелкачёве или в Кожевникове как стоящих в центре. Здесь надо было как-то и за счёт чего-то заиметь гарантию на постройку в своём селении. Я доказывал большое значение завода в нашем селе. В летнее время в рабочую пору ничего не стоит в своей деревне снести сдать молоко или взять ведро сыворотки, но в чужую особо не пойдешь. Но, чтобы заручиться гарантией на право постройки в Щелкачёве, надо было что-то проделать, чем-то пожертвовать. Я наметил следующее. 1) Мы должны на объединённом собрании управление собранием взять в свои руки, 2) в повестку дня обязательно поставить вопрос о самопожертвовании на постройку завода, то есть, кто из наших двух селений на это дело пожертвует больше, там и будет строиться сырзавод. Но большинство голосов мы провалили – там было больше членов. Я предложил, что, если мы протокольно проведем, что завод будет там, кто больше даст, это дело будет вернее. Мне пошли на это навстречу. Мы наметили, что мы можем дать, и в означенное время забрали всех, кто ещё и не являлся членом, но сказал, что он сейчас же вступит.

На общем собрании председательство получил я, был принят и зафиксирован в протоколе пункт, что завод будет там, какая деревня более подкинет на это дело. Я как председательствующий записывал и подсчитывал в уме, с какой стороны сколько поступило. Но, видя что перевес был очень незначительный с нашей стороны, я решил пожертвовать на это дело полную оковку завода за свой счёт. Такое мероприятие окончательно дало нам победу. По подведённым итогам постановили завод строить в Щелкачёве. Кожевниковские как ни ахали, но всё записано в протокол было с их согласия и по большинству голосов, поэтому являлось законным и окончательным.

Организация машинного товарищества

Проведение чёрного передела, введение многополья при правильном севообороте, организация молочного дела и последнее дело – постройка сырного завода – не являлись для меня целью личной наживы. Я везде участвовал в самых трудных делах, но я всё исполнял бесплатно. У меня было только то, что принадлежало мне лично. Но у меня всё это отнимало много полезного времени,

которое, безусловно, стоило бы средств. Но все труды на пользу односельчан приносились бесплатно не потому, что я имел впереди какие-либо корыстные цели, а потому что я психологически так сложен. Всё, что для меня является нетрудным, и я вижу что соседу это принесёт пользу, я всегда пойду к нему сам и предложу – ведь это для меня ничего не стоит, – можно даже в час досуга подойти и растолковать, показать человеку, который сам не может до этого додуматься, как и за счет чего он мог бы больше заработать. Такое отношение к ближнему растворяет самые чёрствые сердца. Вот в чём должна быть помощь сильных и подтягивание отстающих. Не остановишь ты себя на этом пути, то будешь иметь столько же, но и сосед твой будет иметь тоже больше. Между вами если и получится небольшая разница, то против неё ты не будешь иметь завистников, тем более проделав это в такие дни или время, когда мы ушли от старого мира и не построили ещё прочно нового.

Прошло всего 7 лет после пожара, когда я стал нищим и вот итоги. Несмотря на то, что я всё время занимался общественной работой, я у себя заимел племенной скот – 2 коровы, 2 тёлки, 2 телёнка, овцы, 2 поросёнка, вырастил полукровку матку, каковая имела уже породистого жеребёнка. Я имел весь сельскохозяйственный инвентарь: 2 телеги на железном ходу, тарантас, новую образцовую кузницу с кладовыми, оборудованную на два горна. Я построил тёплый скотный двор, я заимел все холодные постройки, построил ригу с пердовином, какой ещё не было в нашей деревне. Результат для меня довольно удовлетворительный, но он не возмущал никого в нашем селении, и только потому, что я немало трудов своих положил и на пользу целого общества.

Дальнейшей моей задачей являлась организация машинного товарищества по совместной обработке. Приобретя ригу⁷ с пердовином и веялку, мы собрались 5 домохозяйств и совместно купили молотилку с чугунным приводом и льномялку. Для установки их я предоставил бесплатно своё новое помещение. Этим мероприятием я окончательно освободил себя от всякой зависимости от других и создал условия для других механизировать свой труд. Те гроши, которые поступали в один карман, сейчас они у кол-

---

⁷ Рига – хозяйственная постройка с печью для сушки и обмолота снопов зерновых культур, используемая в сельском хозяйстве на Русском Севере до середины XX века. Представляла собой высокий (до 20 венцов) сруб площадью около 30–40 м² с полом из уложенных на балки деревянных плах, с потолком в виде сплошного бревенчатого наката, низкими дверями и окнами-отдушниками. Печь (часто «чёрная») располагалась, как правило, рядом со входом.

лектива остаются в кармане. Коллектив наш был собран почти из малоимущих, ни у кого не было гумна⁸. Мы произвели первый наш обмолот. Коллектив наш собрался из трудящихся людей, никто не старался во время труда заниматься бездельем, каждый относился ко всему по-хозяйски. Пять дней мы молотили, и пять дней у нас были не только трудом, но и праздником, потому что каждый из нас за свой обмолоченный хлеб ставил по маленькой. Наша первая в деревне такая организация послужила примером для других.

Работа в кузнице

Я описал выше 8 лет своей жизни, но я почти ничего не сказал о том, как же я работал в кузнице, за счёт чего она у меня росла. Мимо такого важного участка пройти нельзя, он на моём пути был главным фактором моего существования, следовательно, я его должен показать во всей его полноте. Выше я говорил о началах моих работ, говорил, что чубуковщина агитировала против меня, но несмотря на это я заработал самый наилучший авторитет.

Как же он получился и за счёт чего? Ведь не могла же здесь влиять моя общественная работа, следовательно, что-то другое и очень важное. Когда я был ещё мальчиком, меня приучили всякую работу доводить до конца. Работая и в Малинниках и в Щелкачёве, я старался доводить работу не только до конца, но и до наивысшего качества. Правда, я слыл самым дорогим кузнецом, и это верно, я почти за каждую работу брал дороже. Заказчику казалось на первый раз дорого, а когда он попользовался или поработал моим изделием, он находил, что очень дёшево я ему сделал. Например, я подкую лошадь на зиму, у меня ходят до весны, а в других кузницах по 2-3 раза куют. Я стяну колесо – ездят до сноса без перетяжки. Я сделаю плуг, на нём может подросток пахать, и никогда мне не привозили обратно мои плуги. А от других кузнецов ко мне в рабочее время приезжало сколько, простой в такое время для крестьянина очень важен, поэтому пошла молва – плуг никак нейдет, вези к Парнову. Лошадь забивает или засекает – вези к Парнову. Телеги, сани – это тоже работа Парнова. У моей телеги всё дерево истреплется, но ни одна гайка с болта не упадёт. Вывозят мою телегу на базар продать, говорят сразу, что эту око-

---

⁸ Гумно – огороженный участок земли в крестьянском хозяйстве, предназначенный для хранения, молотьбы, веяния и другой обработки зёрен хлеба. В гумне может стоять деревянное сооружение, называемое рига или овин, в котором сушатся снопы сена и молотится зерно

вывал Парнов, её выше ценят. Вот какой был повод и основания для роста авторитета моей кузницы. Но это не всё, я сам прошёл большую школу нужды, я охотно верил тому, кто с ней ко мне обращался. Ведь если волна революции из города меня выжила, то она и других заставила в деревне вновь заводиться, а кузницу не обойдёшь и не объедешь. Я сознательно ко всему относился, были случаи, что я сам в долгу как в шелку. Но раз человеку нечем заплатить и тем более в рабочее время, я его всегда выручу. Когда я побывал сам погорельцем и прошёл через нужду, то всем погорельцам нашей волости, которые были после меня, я делал все работы бесплатно. Я не только не дожидался, когда ко мне привезут, но я сам вперёд им показывал. Одним словом, если в мою кузницу попал один раз кто-либо, он уже потом делался моим постоянным поделельцем. Вот это всё служило основанием для развития моего кузнечного хозяйства.

Мои отношения с братьями

Выше я говорил о том, что когда я женился и заимел довольно солидное положение, я заметил в братьях скрытую ненависть к моему положению, а когда лопнули артели, и я остался ни с чем, они были даже рады. Когда я сгорел и остался нищим, то меня уже приговорили к нищете. Конечно, не все, но вот брат Николай, он не только ничем не помог в такую тяжёлую минуту, но он даже не отдал без милиции и того, что мне причиталось. Этим самым он проявил открытую ко мне ненависть и радость за случившееся со мной. Поступок Гавриила: едет мимо братнего дома в первый раз – брат мой был в такой горе, и, наконец, надо было сказать по-честному, что слава Богу, брат мой уже под крышу влез, дай я зайду в новый дом да посмотрю. Но он, как чужой, даже лошади не остановил, проехал мимо. Как это рассматривать, я не беру на себя, пусть сам читатель оценит, но он поступил явно не как брат, а как чужой. Мне было за это очень обидно, но что делать. Живём, делаем ошибки и на них учимся, видимо, и братьям моим в этой части надо будет учиться, у них свой, и у меня свой путь жизни. Не заставишь и силой своего не напихаешь, а поэтому дороги у нас разные, а когда доедем до конца, то подведём итоги. И вот наши слепожарные отношения: дальше говорят – «свой своему поневоле друг», поэтому мы стали общаться. Поскольку я быстро обрастал, то распадалась их всякие загадочные улыбки и потом, когда я уже их материально догнал и стал перегонять, они уже ко

мне стали заискивающими, а особо Коля. Ему досталась отцовская кузница, но он не пользовался авторитетом и всякую мою новинку старался слизывать. Я психологически сложен так, чтобы делиться опытом, и поэтому и с ним я делился.

Затем получился пожар у нашей сестры, она очутилась в таком же положении, как и я сам. Это случилось спустя два года после моего пожара, я ещё не был так силён, но я проявил в восстановлении нашей сестры большую инициативу, она у нас была одна, мы все её очень любили, у неё был неудачный муж, и вообще она не была сильной женщиной, а поэтому, как только я услышал про пожар, пошёл к ней. Собрал своих братьев и сказал, что мы ей должны сейчас же построить дом, все работы были ещё только за хлеб. Следовательно, она без нашего участия никак не могла начать, и надо было использовать время. Как раз было между севом и покосом, если пропустить время, начнётся рабочая пора, и дело затянется. Безусловно, если бы я не послужил примером, то помощь со стороны братьев не была бы такой реальной. Несмотря на ещё не зажившие раны от пожара, я внёс на это дело больше всех хлебом, трудами и дал 100 досок. Мы её построили, и на покос сестра вошла в свой новый дом. Таким своим самопожертвованием я показал братьям, что не радоваться надо чужому горю, а разделять его, если мы считаемся своими. Вот это событие и целый ряд других моих мероприятий, а также рост моего хозяйства в целом и по отдельным моим участкам, создал довольно прочное моё положение среди моих братьев. Мне казалось, что мы, наконец, вошли окончательно в нормальную родственную дружественную колею, широко общались, весело и дружно проводили праздники все вместе.

Мои взаимоотношения с господами в Щелкачёво

Из главы о моей женитьбе видно, что я страшно боялся быть в чужой деревне, но практика с теорией немного расходятся, и для жизни человека нужна ясность, где бы человеку ни пришлось жить, надо жить так, чтобы от этой жизни было приятно в первую очередь окружающим, а потом будет приятно и тебе самому. Вот целый ряд моих работ на благо деревни, рассказанных выше, разве это не посеяло среди населения ко мне и за меня хорошие отношения? Да, посеяло. Я описал ранее, что я сам по своей инициативе проявил, но я не записал того, а сколько раз и зачем ко мне обращались, и я ни в чём не отказал. В последнее время за меня создалось впечатление, что ко мне за всем шли. Если надо

какой конфликт уладить, шли, знали, что я беспристрастен, и если скажу слово, то оно будет на месте. Сильный обижает слабого – грудь свою подставлю, с нарушителями был беспощаден, со взятками был жесток, повинности выполнял примерно, в делах был беспристрастен, для общественной наёмной рабочей силы был батькой родным. На меня никакая жалоба или обида не была никем заявлена, я был верен своему слову. Я мог быть сыщиком, а нужно было веселить, я был в первых рядах. Идём на Ватиху дрова делить или на покос, идём в ногу под песню, впереди запекает Парнов. Вот всё это вместе взятое создало для меня, за которого агитировали не давать земли и способствовали пожару, самое наилучшее впечатление со стороны бедняцко-средняцкой части деревни, но, конечно, я не нравился тем, кто запускает руку в чужой карман или принимает чужое добро. Я был им очень не по душе. Но это для меня всё же не являлось минусом. Они знают мою непоколебимость, и видимо им, а не мне придется пойти на исправление. Дальнейшее покажет.

Суд

Это было на 9-ом году моей жизни в Щелкачёве, дату я считаю конечно не как приехал, а после пожара. Даже года они мне не стали считать только потому, что не то жил, не то не жил. Но поскольку я всё прожил, следовательно, и завёл новый счёт жизни, какой оказался год под цифрой 9, отрезок этот конечно короткий, но, как видно, всё же я его жил. Следы жизни оставлены немалые, они здесь в этой книге записаны. Я записал всё, как было, то есть как я жил и как проводил в жизнь диктатуру своей внутренней психологии, я не знаю прав я или нет, но я не слышал случаев, чтобы кто-то был не подчинён его собственной психологии. Значит, если история моей жизни неверна, то в основном здесь не я, а моя внутренняя психология, и мы её сейчас будем судить.

Наступила осень, сентябрь 1929 года. Я получил обильный урожай со своего самого худшего при разделе участка, я снял с 40 га корнеплодов очень много, моей задачей было закрепить в селении молочное дело и заставить разводить корнеплоды, ведь это самое молокогонное средство, но без меня никто в селении не хотел идти по этому пути. За молочное дело ухватились не только наши, но и другие сёла. Зимой предстояло строить маслостойный завод. Надо всё довести до конца, пусть щелкачёвские на этот завод волюют целую реку молока, придёт время – все поймут. Но свёклу и

турнепс надо заставить сеять, это мне диктует моя психология, а я, поскольку вошёл в доверие у граждан села Щелкачёво, то я и буду диктовать им.

Но что я слышу? По деревне прошел нехороший слух, говорят, что Парнова записали в кулаки. Я не поверил. Но мне вручают налоговый листок, и в нём ни много – ни мало, а 488 рублей, а внизу предложение уплатить в 7-дневный срок, за невыполнение – под суд. Иду в сельсовет, подаю жалобу. Налоговая комиссия совместно с беднотой постановила меня освободить, но райсовет оставил в силе. Еду в округ. Обложение утвердили по признакам к обложению – 3 ученика и нянька. Мне в райсовете сказали: обжалование не изменяет срок оплаты, и вышло, что срок-то подошёл, а денег то у меня наличных ещё не было.

Мне часто жена напоминала в случаях, когда я что-либо начинал строить новое, – обожди ты хоть годик, замучил ты меня со своими плотниками, стыдно стало в люди выйти! Но я был и остался тем, как когда-то в артели, говорил, что вот уплачу последний ,долг и будем тогда жить на себя. А теперь построю ригу, да помогу строить сыро-масляный завод! А потом всё сделаем, и я одену тебя как куколку, и вот в такой-то момент срочно 488 рублей, а их нет. За самую лучшую корову мне посулили 200 рублей, выходит, что надо продать почти весь скот. Но, может быть, здесь произошла опечатка?

Начинаю перелистывать в мозгах пожар, чёрный передел, молочное дело... Ученичество! Вот что! Так ведь они сами меня об этом просили! Начинаю рыться в документах, нахожу платёжный документ, где записано – имеет льготу за ученичество, столько-то рублей. Это ведь законно, не может быть опечатка. Еду к прокурору, всё перелистываю, прошу суд отменить налог. Ответ короткий – не могу, ступайте и всё представьте суду, последний должен принять во внимание, в противном случае приходите ко мне. Еду домой, а завтра суд и в показательном порядке, будет судить выездная сессия в сельсовете. Собираю материал, забираю дипломы за молочное хозяйство, иду. В сельсовете это было новинкой, слушателей собралось немало, так как меня за Е.С.Х.Н.⁹ судили первым.

Судья открыла заседание, отвода не последовало. Обвинял представитель райфинотдела, сказал, что я легко мог заплатить, но не заплатил. Просит меня судить как злостного неплательщика. Я в своём выступлении по части, могу или не могу заплатить, по-

⁹ Единый сельскохозяйственный налог.

казывал данные за 9 лет, наличных средств я не имею, продавать молочное показательное хозяйство я не мог. Далее я перечислил свои работы на пользу не только своему селению, но и сельсовету в целом. Таких, как я и подобных мне, дипломатическое государство должно не судить, а премировать, дабы мы несём стране обилие молока, хлеба и сыра. Я считаю обложение неверным и прошу его с меня снять. Обвинитель в своём заключении все мои доводы извращал, говорил, что своими общественными работами я просто подготавливал почву только для себя и личной наживы. В заключение просит не только взыскать налог, но и просит наказать как уклоняющегося. Я понял, что карта моя бита, поэтому в заключительном слове уже не просил об освобождении, а указал, что 9 лет назад в этом помещении просил у волости по фунту с дома взаимобразно. Поскольку для меня существовала возможность трудиться, несмотря на то, что у меня много времени уходило на общественные работы, я всё же много мог заработать и для себя, а поэтому прошу – судите меня и знайте, что где я, там и мой хлеб. Прошу одно, дайте только мне последнее – построить масло-сырный завод в Щелкачёве.

Суд ушёл на совещание. Резолюция, как видно, была уже подготовлена, так что курящие и не выкурили папирос, как прозвенел звонок, и был оглашён приговор: Парнова Ивана Павловича подвергнуть штрафу в 250 рублей и лишению свободы на 1 год и 2 месяца. Судья Иванов сказал милиционеру взять меня под стражу.

Последнего-то я никак не ожидал. Боже мой! Ко мне уже не стали подпускать других, идти – то надо было мимо Щелкачёво! Как я могу и смогу ли я пройти по той деревне, какова мне так дорого стоит. Как только я вошёл на край деревни, увидел своих 4-х малышей, они уже знали, что папу сейчас поведут мимо дома. Все заплаканные ждали меня. Я оттолкнул милиционера в сторону и пошёл прощаться.

Продолжение следует